

Мой муж застрял в Астрале

Ника Мур

Мой муж застрял в Астрале

Ника Мур

Ника Мур

Мой муж застрял в Астрале

«Литнет»

2026

Мур Н.

Мой муж застрял в Астрале / Н. Мур — «Литнет», 2026

Мой муж научился покидать свое тело. Он называл это «выходом в Астрал». Я называла это безумием. Я никогда не верила в его увлечения. До той ночи, когда проснулась от ледяного сквозняка и увидела, как он лежит рядом, не дыша. Его глаза были открыты, но в них больше не было жизни. А в углу спальни... в углу спальни что-то шевелилось. Что-то, принявшее его облик. Я думала, что спасаю его. Я думала, что защищаю нашего ребенка, когда с силой захлопнула окно, отрезая путь обратно. Я не знала, что заперла дверь, которую невозможно открыть изнутри. Теперь я здесь, в закрытой палате, а врачи называют меня убийцей. Они говорят, что он умер от остановки сердца. Но я знаю правду: он всё еще там, за стеклом. И он умоляет меня его впустить. В этой книге вас ждут: Стекло и еще раз стекло: история любви, которая оказалась сильнее смерти, но страшнее любого кошмара. Мистический триллер: грань между реальностью и Астралом, которую лучше не переходить. Тот самый выбор: а что бы сделали вы, если бы одна ошибка стоила жизни самому близкому человеку? Ненадежный рассказчик: до самого конца вы будете гадать — была ли это магия или обычное безумие? Я не просто вдова. Я — та, кто оставила его за порогом. История, в которой любовь — это проклятие, а спасение обернулось трагедией.

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3(Вера)	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7(Марк)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Белый шум

Мир вокруг состоял из звуков, которые не имели источника, и света, который не имел формы.

Сначала появился гул — низкий, вибрирующий, словно где-то глубоко под полом работала турбина гигантского корабля. Потом — запах. Резкий, кусачий, проникающий в самые легкие: смесь дешевой хлорной извести, которой до одури намывали кафельные стены, и чего-то сладковато-тошнотворного, напоминающего старые лекарства.

Я попыталась вдохнуть глубже, но грудную клетку стянуло, будто в корсет. Короткий вдох, еще короче выдох. В горле застрял сухой ком, прилипший к слизистой, как кусок ваты.

Я открыла глаза. Или мне только показалось, что я их открыла?

Перед глазами плыло белесое марево. Стерильный, агрессивно-яркий потолок клиники неврозов давил на меня, высасывая последние остатки воли. Я попыталась пошевелить рукой — запястье отозвалось резкой, ноющей болью. Мягкие, но до боли плотные ремни удерживали кисти на металлических поручнях койки.

Где я?

Память напомнила о себе не картинками, а вспышками боли. Окно. Оно было распахнуто, и в него рвался ледяной ветер, срывающий шторы с петель. Я помнила, как мои пальцы впились в пластиковую раму, как я с силой тянула ее на себя, чтобы закрыть — закрыть раз и навсегда. Помнила звук поворота ручки. Щелчок, похожий на выстрел. А потом — тишина. Такая пронзительная, что у меня до сих пор звенело в ушах.

Я снова попыталась приподнять голову, но подушка оказалась слишком высокой, а шея — чужой, как у деревянной марионетки.

— Пациентка из шестой пришла в себя. Уровень кортизола зашкаливает, зрачки расширены, — голос прозвучал откуда-то сверху, приглушенный, словно сквозь толщу воды.

Я скосила глаза в сторону, откуда шел звук. Две тени маячили за дверью палаты. Стекло в вставке в дверном полотне, армированная стальной сеткой, искажала их очертания.

— Еще бы не зашкаливать, — ответил второй голос, мужской, с хрипотцой. — Укокошила мужа и лежит теперь, как ни в чем не бывало. Судмедэксперты до сих пор репу чешут. Сердечный приступ, прямо посреди ночи. Ни отпечатков, ни следов борьбы. Будто он сам решил отдать концы от испуга.

— Ты думаешь, она? — первый голос, женский, стал тише.

— Врачи в психиатрическом отделении уверены. Говорят, она бредила чем-то про «астрал» и «открытое окно». Впала в состояние острого психоза. Короче, изолировали от греха подальше. Надолго здесь застрянет.

Их шаги удалились, растворяясь в бесконечном лабиринте больничного коридора.

Я осталась одна. Слова «укокошила мужа» эхом отскочили от моих висков, пробивая путь к сознанию. Марк. Марк мертв. Это было правдой, я знала это всей кожей, всей памятью каждой клетки своего тела. Но почему я не чувствую слез? Почему вместо них — лишь ледяная пустота, расползающаяся внутри, как клякса чернил на белой ткани?

Я непроизвольно дернула рукой — ремень глухо скрипнул. Я чувствовала себя запертой в собственном теле, словно в тесной, душной клетке. Мои пальцы, еще недавно сжимавшие ручку окна, теперь были беспомощны.

Вспоминая тот вечер, я коснулась живота. Внутри было так странно тихо. Марк говорил, что чувствует «свет» в моем теле. Его слова звучали так уверенно, когда он прижимался ухом к моей пояснице, слушая ритм, который был еще недоступен медицине. Теперь этот свет погас. Я была уверена, что потеряла всё в ту ночь. И Марка, и то, что он так отчаянно пытался защитить.

Я закрыла глаза. В темноте за веками плясали искры. Мне нужно было притвориться. Притвориться «удобной», сломленной, тихой пациенткой, иначе они будут накачивать меня этим ядом до тех пор, пока от меня не останется ничего, кроме оболочки.

В палату вошли. Я услышала мягкое шуршание халата, характерный звон медицинского лотка. Это была не та женщина, что шепталась в коридоре. Другая. Походка тяжелая, уверенная, почти мужская.

Я не открывала глаз, стараясь дышать ровно, в ритме, который продиктовали мне таблетки, чье действие еще не закончилось.

— Арина, я вижу, что ты не спишь, — произнесла медсестра. Голос сухой, как старая газета.

Она остановилась прямо над моей кроватью. Я почувствовала, как она наклонилась, изучая мое лицо. В воздухе запахло проспиртованной ватой.

— Укол, — коротко бросила она, не ожидая согласия.

Я почувствовала холодный спирт на плече. Игла вошла в мышцу уверенно, без всякой жалости. Я стиснула зубы, стараясь не дернуться, чтобы не показать, что я здесь, что я все еще Арина, а не просто объект, нуждающийся в коррекции поведения.

Когда она ушла, щелкнув замком, я позволила себе расслабиться. Действие лекарства начало накрывать волной, но я ухватила за краешек сознания, как за спасательный трос.

В палате было темно, только тусклый свет дежурного ночника за окном, пробиваясь сквозь решетку, отбрасывал длинные, косые полосы на стены. Я лежала неподвижно, всматриваясь в эти полосы.

Вдруг одна из них дрогнула.

Вдоль стены проплыла тень. Она была слишком плотной, чтобы быть просто игрой света. Она двигалась медленно, вытягиваясь и сжимаясь, пока не замерла прямо у подножия моей койки.

Я перестала дышать. Сердце в груди забилося, как пойманная птица, но я заставила себя не открывать рта.

— Ариша... — шепот прозвучал не в комнате. Он прозвучал прямо у меня за правым плечом.

Это был голос Марка. Тот самый голос, который я привыкла слышать каждое утро, когда он варил кофе на нашей кухне. Спокойный, чуть бархатистый, наполненный тем теплом, которое я так любила.

— Марк? — едва слышно выдохнула я, почти забыв о своей осторожности.

Тень у подножия койки шевельнулась. Теперь она была не просто пятном — она обрела объем. Она стояла там, неподвижная, и от нее исходил такой холод, что иней на пластиковом подоконнике стал казаться почти живым.

— Ты заперла дверь, — продолжил шепот, теперь уже холодный, как лед. — Мне так холодно здесь... Пусти меня.

Я почувствовала, как одеяло в ногах медленно продавилось под чьим-то весом. Кто-то сидел на краю моей кровати.

Я не знала, галлюцинация это или реальность. Но я знала одно: это не Марк. Марк никогда не называл меня так холодно. Марк никогда не принес бы с собой этот запах могильной сырости, который начал медленно заполнять палату, вытесняя запах хлорки.

Я закрыла глаза и сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Я заперла окно. Я сделала то, что должна была сделать. И теперь я не открою. Даже если весь мир за этой дверью превратится в ледяную пустыню, я не открою.

Над моей головой, в самом углу палаты, где-то под потолком, с тихим, сухим треском лопнула лампочка ночника. Стекло посыпалось на пол, как мелкий град.

В наступившей кромешной тьме я почувствовала, как чья-то рука, невидимая и ледяная, медленно, очень медленно опустилась мне на плечо.

Я не закричала. Я лишь плотнее сомкнула веки, ожидая, что будет дальше. Но тьма осталась безмолвной. Она просто дышала мне в лицо, ожидая, когда я, наконец, сдамся.

Глава 2

Химия смирения

Серый свет, просочившийся сквозь армированное стекло палаты, был не теплым и не жизнеутверждающим. Он напоминал цвет выстиранного до дыр больничного белья. Я лежала неподвижно, всматриваясь в потолок, где паутина трещин складывалась в причудливые, почти осознанные знаки.

Вчерашняя ночь казалась фантомом. Разбитая лампочка, холодное прикосновение к плечу — это могло быть чем угодно: побочным эффектом ночных уколов, игрой нервов, изможденных бессонницей, или же той самой гранью, за которую я так опрометчиво заглянула. Я провела кончиками пальцев по линолеуму, лежащему под кроватью, в надежде найти хоть один стеклянный осколок, но пол был пуст. Только пыль, въевшаяся в структуру покрытия, да мои собственные волосы, выпавшие от стресса.

Никаких следов. Как будто меня вообще не существовало в этой комнате, как будто я была лишь сновидением, которое больница пыталась стереть из своей памяти.

В дверь постучали — коротко, по-военному сухо. Я успела принять позу «смирной пациентки» еще до того, как замок щелкнул. В палату вошел санитар. Его звали Геннадий, или что-то вроде того — грузный мужчина с лицом, которое, казалось, всю жизнь только и делало, что выражало глубокое равнодушие к окружающему миру.

— Подъем, — буркнул он, не глядя на меня.

Он поставил на прикроватную тумбочку пластиковый стаканчик с двумя таблетками, которые в свете тусклых ламп отливали подозрительной белизной. Геннадий переминался с ноги на ногу, ожидая, пока я проглочу свою порцию «исцеления».

Я знала, что он будет смотреть. Я знала, что это его работа — убедиться, что я не выплуну этот яд.

— Голова болит? — спросил он вдруг, нарушая тишину, в которой я надеялась провести остаток утра.

— Немного, — мой голос прозвучал хрипло, непривычно для моих собственных ушей.

— У всех болит. Это нормально. Пей, Арина, — он кивнул на стаканчик.

Я взяла таблетки. Пальцы едва заметно дрожали, но я подавила эту дрожь, прижав руку к краю матраса. Я положила таблетки на язык, сделала вид, что запиваю их водой из стакана, который он принес, и демонстративно широко открыла рот.

Геннадий смерил меня взглядом, удовлетворенно хмыкнул и забрал посуду.

— Скоро обход. Не дури, — сказал он, выходя в коридор.

Как только щеколда двери опустилась, я согнулась пополам, выталкивая таблетки из-под языка. Они были горькими, едкими, оставляющими на языке омерзительный налет. Я спрятала их в углу, между матрасом и спинкой койки, где уже образовалась небольшая горка из «спасенных» доз.

Мне нужно было яснее мыслить. Я не могла позволить им превратить меня в овощ до того, как я пойму, что именно произошло с Марком.

Через час нас вывели в общую зону. Это было просторное помещение с окнами, затянутыми густой сеткой, и обшарпанными стульями, расставленными вдоль стен. Другие пациенты сидели неподвижно, их взгляды были устремлены в одну точку — в пустоту, которая, казалось, была гораздо интереснее того, что происходило в реальности.

Я села в угол, стараясь быть максимально незаметной. Напротив меня сидела женщина лет пятидесяти. Ее руки постоянно двигались, будто она что-то плела из невидимых нитей. Она вдруг резко подняла голову и посмотрела на меня. В ее глазах не было безумия, в них было только бесконечное, изматывающее ожидание.

— Они не любят, когда ты смотришь в углы, — прошептала она, не шевеля губами. — Они прячутся там, где свет не достает до пола.

Я вздрогнула, стараясь не подать виду.

— Кто они? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Женщина улыбнулась — жутковато, одними губами.

— Те, кто ждет, пока кто-то закроет дверь. Но дверь нельзя закрыть навсегда, милая. Дверь всегда остается приоткрытой, просто мы слишком боимся, чтобы это увидеть.

Она снова вернулась к своему невидимому плетению. Я отвела взгляд, чувствуя, как по позвоночнику пробежал холодок. Здесь, в этой клинике, грань между «нормальностью» и тем, что я видела вчера, была тоньше волоса.

Пытаясь вытеснить этот разговор из головы, я сосредоточилась на воспоминаниях. Марк... В моих мыслях он возникал не как безжизненное тело, не как тот призрак, что шептал мне в темноте. Я вспоминала его таким, каким он был в начале нашего пути.

Наша первая квартира. Крошечная, с облупившейся краской на кухне, но наполненная запахом свежемолотого кофе. Он тогда только начинал свои поиски. Помню, как он пришел домой с той самой книгой, перевязанной бечевкой. Он выглядел таким живым, таким одухотворенным, что я не могла не разделить его энтузиазм.

— Ариш, ты не понимаешь, — говорил он тогда, держа меня за руки и глядя прямо в глаза. — Наш мир — это просто декорация. Мы заперты в клетке, которую построили сами. Но я нашел способ выйти за пределы. Представь, что ты можешь летать, не покидая своей кровати. Что ты можешь увидеть ответы на все вопросы, просто закрыв глаза.

Он был так искренен. Его ладони были горячими, а пульс на запястье — быстрым и сильным. Тогда я думала, что это просто увлечение, очередная попытка сделать нашу жизнь лучше, интереснее. Я и не подозревала, что «способ выйти за пределы» приведет его туда, откуда нет возврата.

Внезапно воздух в комнате изменился. Я поймала себя на том, что чувствую запах того самого кофе. Терпкий, чуть горьковатый аромат, пробивающийся сквозь удушливый запах хлорки. Он был таким реальным, что я на секунду закрыла глаза, ожидая увидеть Марка, входящего в общую зону с кружкой в руках.

Но когда я открыла их, передо мной была лишь обшарпанная стена и пустота. Однако, в одном из углов помещения, где тени были наиболее густыми, я увидела движение. Сначала я подумала, что это просто игра света, но тень отделилась от стены. Она была неестественно черной, словно поглощала свет, падающий из окна.

Я замерла. Те, кто находился в комнате, не обращали на это никакого внимания. Только женщина, что сидела напротив, на мгновение замерла, глядя прямо в тот угол, а затем поспешно перекрестилась.

Я поняла: это не галлюцинации. Эти сущности были здесь, они просочились сюда вместе со мной, или, возможно, они были здесь всегда, просто я раньше была слишком слепа, чтобы их заметить.

Когда санитар Геннадий пришел, чтобы вернуть нас в палаты, я чувствовала себя опустошенной. Мои мысли были спутаны, но одно я знала точно: мне нужно было выбраться отсюда. Как можно скорее.

Вечером, когда погасили свет, я легла в кровать, укрывшись одеялом с головой. Мое сердце колотилось где-то в горле. Я протянула руку к своему запястью, там, где вчера были тугие ремни, удерживавшие меня, когда меня привезли. Я коснулась кожи и замерла.

На запястье, прямо поверх нежной, бледной кожи, виднелось странное, ярко-красное пятно. Оно не было похоже на синяк от ремней. Форма его была странной, отчетливой, словно кто-то — или что-то — с силой сжал мою руку, оставив на ней свой след.

Пять точек. Пять отчетливых вмятин, расположенных так, как будто меня схватила мужская рука, только пальцы были слишком длинными и тонкими.

Я провела по ним пальцем. Боль была острой, жгучей. Это было физическое доказательство того, что вчерашняя ночь не была сном.

Я смотрела на этот след в темноте, и во мне поднималась ярость. Ярость на саму себя за слабость, на врачей за их безразличие, на эту проклятую клинику, которая хотела запереть меня в клетке.

Я не знала, кто или что оставило этот след. Но я знала одно: я не сдамся. Даже если за мной придут все тени мира, я найду способ раскрыть правду.

Марк не просто умер. Его у него украли. И я верну его, чего бы мне это ни стоило. Даже если для этого мне придется пройти через ад, который я сама для себя открыла.

Я перевернулась на бок, прижимая ладонь к больному запястью, и закрыла глаза, готовясь к новой ночи. В этот раз я буду ждать. Я буду готова к тому, что придет из тьмы. И я не закрою глаза, если они снова решат прийти.

В коридоре слышались шаги. Кто-то прошел мимо двери, задержавшись на секунду, чтобы заглянуть в окошко. Я чувствовала этот взгляд на себе даже сквозь закрытые веки. Они знали. Они знали, что я не принимаю их таблетки. Они знали, что я видела то, чего не должен видеть ни один пациент.

Но они ничего не могли мне сделать. У меня была цель. У меня была память. И у меня было то, что они никогда не смогут у меня отобрать — вера в то, что даже из самой глубокой тьмы есть выход. Если знать, в какую дверь постучать.

Глава 3(Вера)

Пациентка с историей

(от лица Веры)

Смена началась в девятнадцать ноль-ноль. К этому времени дневная суета клиники неврозов оседала, словно пыль на старых книгах, уступая место тягучему вечернему оцепенению. Запах вареной капусты из столовой выветрился, и коридоры вновь наполнились резким, стерильным ароматом хлорамина и спирта.

Я провела влажной салфеткой по столешнице сестринского поста, машинально поправила бейдж на груди — «Вера Андреевна, старшая медицинская сестра» — и бросила взгляд на блок мониторов. Камеры внутреннего наблюдения транслировали черно-белую, зернистую картинку из палат строгого надзора.

Пятая палата спала. Седьмая меридианами мерила шаги от стены к стене. А шестая...

Арина сидела на краю узкой больничной койки. Она не раскачивалась, не бормотала под нос, как большинство пациенток с ее диагнозом. В ее неподвижности крылась пугающая, звенящая осознанность. Девушка напряженно всматривалась в дальний угол комнаты, туда, куда не доставал свет уличного фонаря сквозь решетку окна. Правой рукой она крепко, почти до побеления костяшек, сжимала свое левое запястье. Она прятала его. Защищала.

Я отвернулась от экрана и потянула на себя тяжелый ящик стола. Папка с историей болезни Арины лежала сверху. Толстая, успевшая обрасти бланками анализов и назначениями всего за пару дней.

Раскрыв картонную обложку, я пробежалась глазами по неровному почерку лечащего врача. «Острое полиморфное психотическое расстройство. Бред преследования, визуальные и слуховые галлюцинации. Фиксация на концепции астральной проекции. Агрессия в анамнезе». Чуть ниже — фотография из паспорта, прикрепленная скрепкой. С глянцевого квадрата на меня смотрела совершенно другая девушка. Счастливая, с мягкой полуулыбкой и ясным, открытым взглядом. Жена, у которой вся жизнь была впереди.

Медицина любит вешать ярлыки. Назвать непонятное латинским термином, прописать галоперидол и запереть дверь на два оборота — это дает иллюзию контроля. Но за двадцать лет работы в этих стенах я научилась отличать поломанную психику от столкновения с тем, что не поддается лечению таблетками.

Мои пальцы скользнули по краю медицинской карты, а память без спроса швырнула меня на тридцать лет назад. В глухую деревню под Рязанью.

Мою бабушку местные звали шептуньей. Днем бабы бегали к ней лечить детские грыжи и заговаривать рожу, а по ночам обходили наш покосившийся дом десятой дорогой. Я, будучи сопливой девчонкой, считала ее странной. До одной августовской ночи. Тогда в нашем старом сарае, где пахло прелым сеном и дегтем, я увидела нечто. Оно не имело четкой формы — просто сгусток тьмы, который был чернее самой ночи. Он дышал холодом, высасывая тепло из воздуха, и тянулся ко мне извивающимися, как дым, щупальцами. Бабка тогда выскочила на порог в одной ночной рубашке. Она не крестилась и не молилась. Она встала между мной и этой пустотой, ударила босой пяткой по деревянному настилу и произнесла несколько слов на таком древнем, гортанном языке, что у меня заложило уши. Тьма сжалась, зашипела, как вода на раскаленной сковородке, и втянулась в щель между досками.

«Границы истончаются, Верка, — сказала она мне тогда, вытирая пот со лба. — В мире полно сквозняков с той стороны. Не стой на пороге, продует».

Я захлопнула медицинскую карту Арины. Девушка из шестой палаты не сошла с ума. Она просто стояла на сквозняке. И этот сквозняк убил ее мужа.

Подхватив связку ключей, звякнувшую в тишине коридора, я направилась к ее палате. Время ночного обхода еще не подошло, но мне нужно было увидеть ее вживую, без искажений дешевой камеры наблюдения.

Шаги гулко отдавались от стен, выкрашенных в унылый бледно-зеленый цвет. Подойдя к двери шестой палаты, я не стала заглядывать в смотровое окошко. Я просто вставила ключ в скважину, повернула его дважды и толкнула тяжелую створку.

В лицо сразу ударил холод. Не больничная прохлада от плохой работы батарей, а пронзительный, потусторонний лед, от которого волосы на руках мгновенно встали дыбом. Окно в палате было наглухо закрыто, ручка скручена по правилам техники безопасности, но по полу стелился настоящий морозный туман.

Арина резко вскинула голову. Она вжалась в спинку кровати, натягивая казенное байковое одеяло до самого подбородка. В ее глазах плескался загнанный, звериный страх. Она ждала укола. Ждала боли и забвения.

Я не стала включать верхний свет, оставив гореть лишь тусклую лампу в коридоре, свет от которой падал в палату прямоугольным слитком.

— Я знаю, что ты прячешь таблетки, Арина, — произнесла я ровным, лишенным угрозы тоном.

Она судорожно сглотнула, но не ответила. Только еще плотнее перехватила свое левое запястье.

Я сделала шаг вперед и остановилась у изножья койки.

— И я не собираюсь докладывать об этом лечащему врачу. Геннадий слишком ленив, чтобы проверять под матрасом, а мне нет дела до того, как именно ты спасаешь свой рассудок.

Ее плечи едва заметно опустились. Напряжение в комнате стало чуть менее плотным, но холод никуда не делся.

— Что ты видела в том углу? — я кивнула в темноту, куда она смотрела минуту назад. — То, что разбило ночник прошлой ночью. Что это было?

Арина посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Она искала в моем лице насмешку или профессиональное снисхождение, с которым психиатры выслушивают бред своих подопечных. Не найдя ни того, ни другого, она медленно отпустила руку и стянула рукав больничной пижамы вниз.

Я подалась вперед. На бледной, почти прозрачной коже ее запястья багровели пять отчетливых отметин. Они располагались так, словно кто-то с силой схватил ее руку, но пропорции этих «пальцев» были неправильными. Слишком длинные, слишком тонкие фаланги. Кожа вокруг пятен пошла белесыми разводами, напоминающими сильное обморожение. Ни один ремень или фиксатор не мог оставить такого следа.

— Это не я, — голос Арины оказался хриплым, надтреснутым. Она говорила так тихо, что мне пришлось наклониться ближе. — Это они. Они пришли за Марком, но он... он остался там. А они здесь. Ждут. Они знают, что я заперла дверь.

— Тебе больно? — спросила я, протягивая руку.

Арина кивнула. Я осторожно коснулась кончиками пальцев багрового следа. От ее кожи не просто веяло холодом — она обжигала ледяным жаром, как кусок сухого льда. Мои пальцы мгновенно онемели. Я одернула руку, с трудом подавив желание перекреститься.

— Они злятся, — продолжила Арина, не сводя взгляда с моего лица. — Днем я чувствовала запах кофе. Того самого, который он варил по утрам. Они играют со мной. Пытаются свести с ума, чтобы я сама открыла им дорогу.

— Слушай меня внимательно, — я перехватила ее взгляд, вкладывая в свои слова всю уверенность, на которую была способна. — Не позволяй им убедить тебя в том, что ты больна. Как только ты поверишь в свой диагноз, как только решишь, что это галлюцинации — ты

сдашься. А им только этого и нужно. Прячь таблетки. Спи урывками. Делай вид, что ты сломлена, перед врачами. Но внутри держи оборону. Ты поняла меня?

В ее воспаленных, уставших глазах блеснула крошечная искра. Искра понимания и дикой, первобытной надежды. Она больше не была одна.

— Поняла, — выдохнула она одними губами.

Я кивнула, поправила край ее сползшего одеяла и развернулась к выходу. Нужно было вернуться на пост. Оставлять дежурную часть без присмотра надолго запрещалось инструкцией.

Выйдя в коридор, я дважды повернула ключ в замке шестой палаты. Звук щелкающего механизма показался мне сейчас не тюремным, а спасительным. Я запирала не ее от нас, а нас от того, что находилось внутри с ней.

Я сделала несколько шагов по направлению к посту, когда свет над моей головой дрогнул.

Люминесцентные лампы, тянущиеся вдоль всего потолка, издали низкий, натужный гул. Свет моргнул один раз, второй, а затем длинный коридор погрузился в вязкий полумрак. Загорелись лишь тусклые красные таблички «Выход» по краям рекреации.

Воздух мгновенно стал плотным. Я остановилась, чувствуя, как ткань медицинского костюма липнет к спине от ледяного пота. Температура вокруг упала градусов на десять всего за пару секунд. Из рта при выдохе вырвалось едва заметное облачко пара.

В самом конце коридора, метрах в двадцати от меня, где располагалась пустая зона отдыха, пространство начало искажаться.

Сначала это выглядело как марево над горячим асфальтом, только сотканное из абсолютной тьмы. Черная, клубящаяся масса, похожая на пролитую нефть, медленно поднималась от пола к потолку. Она не имела ни глаз, ни лица, ни конечностей. Это была просто зияющая пустота, прореха в ткани нашего мира.

И эта пустота смотрела на меня.

Я почувствовала, как невидимая сила сдавливает мне грудную клетку. Дышать стало невыносимо тяжело, словно на ребра положили бетонную плиту. Сущность скользнула вперед, бесшумно преодолев несколько метров за долю секунды.

Паника — липкая, животная — попыталась захватить мой разум. Но в ушах вдруг зазвучал скрипучий голос бабки: «Не смотри в центр, Верка! Не давай им зацепиться за твой страх. Смотри сквозь!»

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, прорывая кожу. Я заставила себя оторвать взгляд от пульсирующей черноты и сфокусировалась на красном пожарном щите, висящем на стене ровно за этой сущностью. Я смотрела на белый контур огнетушителя, заставляя себя поверить, что в коридоре нет ничего, кроме кафеля и старой краски.

Сущность замерла. Я чувствовала ее замешательство. Она потеряла зрительный контакт, потеряла якорь, которым был мой страх. Воздух вокруг меня завибрировал от беззвучного, пронзительного визга, от которого заломило зубы. Тень дернулась, вытягиваясь в длинную ломаную линию, и вдруг резко сжалась в крошечную точку, взорвавшись беззвучной вспышкой ледяного ветра.

Люминесцентные лампы над головой вспыхнули с громким треском.

Я привалилась плечом к стене, хватая ртом согревшийся воздух. Сердце колотилось так, словно я пробежала кросс. Коридор был абсолютно пуст. Ни теней, ни холода. Только привычный запах хлорки.

На подкашивающихся ногах я добрела до сестринского поста и рухнула в кресло. Руки тряслись. Я выдвинула ящик, чтобы достать успокоительное, и мой взгляд упал на раскрытую медицинскую карту Арины. Я забыла ее закрыть, когда уходила.

На белоснежном поле листа, прямо под печатным текстом врачебного заключения, появился новый след.

Это не было напечатано на принтере и не написано ручкой. Линии были продавлены в бумаге с такой силой, что местами она порвалась, а края штрихов чернели графитом.

Ломаная линия, перечеркнутая косым крестом.

Точно такой же символ я видела много лет назад в старой, истрепанной тетради моей бабки. Знак закрытой границы. Печать, которая ставится на тех, кто запер дверь между мирами снаружи.

Я смотрела на этот корявый, жуткий рисунок и понимала: Арина действительно заперла что-то невероятно сильное. И теперь мы все оказались по одну сторону баррикад. Если эта печать будет сломана, если они заставят девушку поверить в собственное безумие и сломают ее волю — больничные стены нас не спасут.

Я вырвала страницу с символом из карты, скомкала ее и бросила в карман халата. Завтра я найду способ отменить ей тяжелые нейролептики. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 4

Сон не принес отдыха. Он обрушился на меня тяжелой, токсичной волной, утягивая на самое дно подсознания, туда, где реальность переплеталась с воспаленным чувством вины.

В этом вязком мороке я снова стояла в нашей спальне. Комната была залита неестественным, пульсирующим светом, источником которого был Марк. Он лежал на кровати абсолютно неподвижно, но из центра его груди, прямо сквозь ткань домашней футболки, тянулась тонкая, светящаяся струна. Серебряная нить. Она была похожа на живую артерию, по которой вместо крови текло жидкое, слепящее лунное сияние. Нить тянулась через всю комнату и исчезала за пределами распахнутого окна, теряясь в чернильной черноте ночного неба.

Я смотрела на нее, парализованная ужасом, понимая, что это единственное, что связывает моего мужа с жизнью.

Внезапно из темноты за окном донесся низкий, вибрирующий гул. Нить дернулась. Она натянулась так сильно, что посередине образовалась дрожащая струна. Я хотела броситься к ней, схватить руками, удержать, но мои ноги словно вросли в паркет.

Нить зазвенела на высокой, невыносимой ноте. А затем лопнула.

Звук разорванной связи был похож на грохот разбившегося вдребезги огромного зеркала. Серебряные искры брызнули во все стороны, оседая на мебели мертвым, холодным пеплом. И в ту же секунду, как только погасла последняя искра, в оконное стекло ударили.

Стук был глухим, отчаянным и ритмичным. Бум. Бум. Бум.

Кто-то колотил по стеклу снаружи. На уровне пятого этажа. Я видела, как от ударов пластиковая рама прогибается внутрь, как по стеклопакету ползут змеиные трещины. А потом к стуку добавился скрежет ногтей, отчаянно пытающихся зацепиться за гладкую поверхность, и нечеловеческий, полный боли вой, умоляющий впустить его обратно.

Мой собственный крик разорвал горло, выталкивая меня из кошмара.

Я резко села на больничной койке, хватая ртом спертый, пропахший медикаментами воздух. Ледяная испарина стянула лоб, мокрая пижама липла к лопаткам. В груди колотилось так, словно сердце отчаянно пыталось пробить ребра и сбежать.

Темнота шестой палаты встретила меня тишиной, но эта тишина не сулила ничего хорошего. Я закричала. А значит, они слышали.

Животный инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем включился разум. Я мгновенно подтянула колени к подбородку, вжимаясь спиной в холодную стену у изголовья. Сейчас в коридоре загремят тяжелые шаги. Придет санитар Геннадий, или кто-то из ночной смены. Щелкнет выключатель, ослепив меня безжалостным светом, на запястьях вновь затянутся жесткие ремни вязок, а в бедро или плечо вонзится игла со «штрафной» дозой галоперидола. Они превратят меня в послушный кусок мяса, пускающий слюни на подушку, чтобы я больше не смела нарушать покой психиатрического отделения.

Я обхватила голову руками, до боли сжимая волосы. Только не впадать в истерику. Притвориться спящей уже не выйдет, значит, нужно изобразить кататонию. Застыть. Смотреть в одну точку. Стать декорацией.

В замке мягко, почти воровски, провернулся ключ.

Дверь приоткрылась без привычного скрипа петель. Полоса света из коридора легла на линолеум, но вместо грузного силуэта санитаря на пороге появилась женская фигура.

Это была Вера.

Она быстро скользнула внутрь и бесшумно прикрыла за собой дверь, не защелкивая замок до конца. В слабом свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь решетку, я увидела ее лицо. Старшая медсестра, всегда такая собранная и строгая, сейчас выглядела так, словно

сама только что вырвалась из кошмара. Ее кожа казалась неестественно бледной, почти серой, а в глазах плескался отголосок недавно пережитого ужаса.

Но самым странным было не ее лицо. В руках она держала большую пузатую керамическую кружку.

Над краем кружки вился легкий парок. И вместе с ним по палате поплыл запах. Настоящий, густой, домашний аромат крепко заваренного черного чая с бергамотом и щедрой порцией сахара. Этот запах был настолько чужеродным здесь, среди запахов хлорамина, старой мочи и спирта, что у меня перехватило дыхание. Он пах нормальной жизнью. Той жизнью, которую у меня отняли.

Вера сделала несколько шагов и опустилась на самый край моей койки. Матрас жалобно скрипнул под ее весом.

— Пей, — тихо сказала она, протягивая мне кружку.

Я не шелохнулась. Мои пальцы все еще судорожно сжимали колени. Я ждала подвоха. Транквилизатор, растворенный в сладкой жидкости? Жидкий нейролептик?

Вера заметила мое колебание. Она горько усмехнулась, и эта усмешка сделала ее лицо старше.

— Здесь нет таблеток, Арина. Только чай. Три кубика сахара, как я люблю делать себе в ночную смену. Бери, пока горячий. Твоим рукам нужно согреться.

Я неуверенно потянулась вперед. Мои пальцы коснулись горячей керамики. Жар мгновенно передался онемевшей коже, проникая глубоко в суставы. Это было так просто и так невыносимо хорошо, что на глаза навернулись злые, колющие слезы. Я обхватила кружку обеими ладонями, прижимая ее к груди, как величайшую драгоценность, и подняла взгляд на медсестру.

— Почему вы здесь? — мой голос сорвался, превратившись в жалкий шепот. — Почему вы на меня так смотрите?

Вера перевела взгляд на закрытую дверь палаты, словно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи, а затем снова посмотрела на меня.

— Потому что полчаса назад свет в коридоре погас не из-за перебоев на подстанции, — ее голос был ровным, но в нем слышалось сдерживаемое напряжение. — И температура на посту не падает просто так. Я видела это, Арина. Я видела ту черноту, которая просочилась сюда. И я знаю, что это не игра больного воображения.

Мои руки задрожали так сильно, что чай едва не расплескался на больничное одеяло. Она видела. Господи, она действительно видела. Я больше не одна в своем персональном аду.

— Они ищут меня, — вырвалось у меня вместе со сдавленным всхлипом. Я подтянула кружку ближе к лицу, вдыхая сладкий пар. — Они знают, что я здесь.

— Они ищут слабость, — жестко поправила Вера. — И если ты позволишь врачам убедить себя в том, что ты убийца в состоянии психоза, твой разум сломается. А сломанную дверь выбить проще всего.

Она подалась вперед, опираясь локтями о колени, и посмотрела мне прямо в глаза. В ее взгляде не было жалости, только требовательная, тяжелая прямота.

— Я прочитала твою карту. Врачи уверены, что ты в порыве безумия спровоцировала сердечный приступ у мужа. Они описывают твои рассказы про открытое окно как классический бред вины. Но я видела след на твоём запястье. Я видела тень в коридоре. Я знаю, что ты не сумасшедшая, Арина.

Она сделала паузу, давая мне время осознать ее слова.

— Расскажи мне, — тихо, но настойчиво произнесла Вера. — Расскажи мне от начала и до конца. Что ты пустила в свой дом? И самое главное... кто стучит в твоё окно?

Психологическая плотина, которую я так отчаянно выстраивала все эти дни, чтобы не сойти с ума, дала трещину. Доверие, которого я была лишена с момента гибели Марка, сейчас обрушилось на меня всем весом. Меня не судят. Меня хотят услышать.

Я поднесла кружку к губам и сделала большой, обжигающий глоток. Горячий чай прокатился по пищеводу, смывая металлический привкус страха и медикаментов. Спазм в горле, душивший меня сутками, наконец-то отпустил.

Я опустила кружку на колени. Мой взгляд упал на белую стену напротив, но я видела не облупившуюся больничную краску. Я видела нашу спальню. Сумерки. И приоткрытую дверь, за которой решалась наша судьба.

— Я не убивала его тело, Вера, — мой голос зазвучал на удивление твердо и ясно, разрезая тишину палаты. — Эксперты ничего не найдут на его шее или груди, потому что я его даже не касалась. Я не травила его и не пугала до смерти.

Я подняла глаза на медсестру. По моей щеке медленно скатилась единственная, горячая слеза.

— Я просто заперла окно, когда его душа вышла погулять. И то, что осталось лежать на кровати, без нее выжить не смогло.

Вера не перебила. Она даже не шелохнулась, продолжая внимательно слушать, став моим единственным якорем в этой реальности.

— Это началось не в ту ночь, — продолжила я, чувствуя, как слова сами рвутся наружу, сплетаясь в историю, которую я так боялась вспомнить от начала и до конца. — Это началось задолго до того, как в нашем доме стало холодно. Три года назад мы с Марком были счастливы. Мы дышали друг другом. У нас не было больших денег, но у нас были мечты. И если бы я только знала, какую цену он готов заплатить за эти мечты, я бы сожгла ту проклятую книгу в тот же день, когда он принес ее в наш дом...

Слова текли, возвращая меня в прошлое. В то время, когда солнечный свет еще не казался мне враждебным, а слово «астрал» вызывало лишь снисходительную улыбку.

Глава 5

Воспоминания накатили жаркой, удушливой волной, стирая выкрашенные масляной краской больничные стены. Я прикрыла глаза, и вместо едкого запаха хлорамина мои легкие наполнились густым, сладковатым ароматом цветущей липы и плавящегося асфальта.

Июль. Три года назад.

В тот день солнце палило так нещадно, что город казался раскаленной сковородкой, но мы этого не замечали. Мы стояли на крошечном, не застекленном балконе нашей первой съемной «однушки» на окраине. В комнате на стуле валялись две синие корочки — наши свежие, еще пахнущие типографской краской дипломы.

Марк стоял позади меня. Я чувствовала твердость его груди, прижатой к моей спине, и то, как ритмично бьется его сердце. Его руки, сильные и горячие, крепко обнимали меня за талию. Он уткнулся подбородком мне в макушку, зарываясь носом в волосы. От него пахло юностью, свободой и тем самым парфюмом — терпкой смесью кедра и бергамота, который я подарила ему на первый совместный Новый год.

В его руках была бутылка самого дешевого полусладкого шампанского. Пробка выстрелила с глухим хлопком, улетев куда-то в кусты сирени под окнами, и теплая, пенящаяся жидкость полилась через край, обжигая пальцы холодом пузырьков.

— За нас, Ариша, — Марк сделал глоток прямо из горлышка и протянул бутылку мне. Его глаза — невыносимо яркие, живые, смеющиеся — искрились в лучах заходящего солнца. — Мы сделали это. Теперь весь этот город наш.

Я рассмеялась, вытирая липкую каплю с подбородка, и прижалась к нему сильнее.

— Звучит как план по захвату мира, — сказала я, глядя на бесконечную череду серых панельных многоэтажек, уходящих за горизонт.

— Это он и есть, — Марк стал вдруг серьезным. Он развернул меня к себе, обхватив ладонями мое лицо. Его большие пальцы нежно поглаживали мои скулы. — Я обещаю тебе, Ариша. У нас будет всё. Настоящий дом с окнами в пол. Машина, которая не глохнет на каждом светофоре. Ты забудешь, что такое смотреть на ценники в магазинах. Я сверну горы, только чтобы ты улыбалась так, как сейчас.

Тогда мне не нужны были ни окна в пол, ни горы. Мне нужен был только он. Его тепло, его губы, со вкусом винограда и дешевого алкоголя, его руки, которые заставляли меня чувствовать себя самой защищенной женщиной на планете. Я верила каждому его слову. И он тоже в них верил.

Но эйфория выпускного лета быстро разбилась о бетонные реалии взрослой жизни.

Прошло несколько месяцев. Осень вступила в свои права, выстудив нашу плохо отапливаемую квартиру. Розовые очки разбились стеклами внутрь. Оказалось, что амбициозные молодые специалисты без опыта никому не нужны. Марк сутками пропадал на собеседованиях, рассылал резюме, но возвращался домой всё более мрачным.

Я помню один из вечеров в середине октября. На улице завывал ветер, швыряя в стекло горсти желтых листьев. Мы сидели на полу в гостиной — денег на обеденный стол у нас так и не появилось, — подстелив старый клетчатый плед. На коробке из-под пиццы сиротливо остывали два последних куса пеперони.

Марк гипнотизировал взглядом бумажную салфетку, методично, миллиметр за миллиметром, разрывая ее на мелкие клочки. В его плечах, всегда таких расправленных и гордых, появилась пугающая сутулость.

— Они хотят всё и сразу, — глухо произнес он, не поднимая глаз. — Десять лет стажа от двадцатидвухлетнего парня. Копеечный оклад и рабский график. Я сегодня стоял в приемной одного такого «начальника», смотрел на его лоснящуюся физиономию и понимал, что эта

система создана для того, чтобы мы до конца жизни выживали. Шаг влево, шаг вправо — и ты на обочине.

Я пересекла плед на коленях, села рядом и обняла его за плечи, прижимаясь щекой к его колючей небритой щеке.

— Марк, мы справимся, — тихо сказала я. — Ты умный, ты талантливый. Найдется твое место. И мне не нужны миллионы. Мне просто нужно, чтобы ты не съедал себя заживо.

Он тяжело вздохнул и накрыл мою ладонь своей.

— Ты заслуживаешь лучшего, Ариша. А я чувствую себя связанным по рукам и ногам. Словно бьюсь головой в невидимую стену.

Я не поняла тогда главного. Я думала, это просто кризис, временные трудности, которые закаляют семью. Я не заметила, как сильно уязвленное мужское эго начало разъедать его изнутри. Марк хотел быть моим героем, моим щитом. А чувствовал себя неудачником. Именно это чувство собственной беспомощности и стало той благодатной почвой, в которую вскоре упали ядовитые семена.

А потом было утро, которое врезалось в мою память навсегда. Идеальное утро выходного дня.

Я проснулась от того, что по квартире плыл густой, бархатный аромат свежемолотого кофе. Тот самый запах, который спустя три года станет для меня вестником надвигающегося ужаса в больничной палате.

Я потянулась в постели, жмурясь от яркого солнца, пробивающегося сквозь тонкие шторы. Дверь скрипнула, и в спальню вошел Марк. На нем были только домашние штаны, волосы взъерошены после сна. В руках он осторожно нес мою любимую большую кружку.

Он сел на край кровати, поставил кофе на тумбочку и наклонился ко мне. Его губы коснулись моего виска, пальцы нежно заправили выбившуюся прядь волос за ухо. В его движениях была такая безграничная, щемящая нежность, что у меня перехватило дыхание.

— Доброе утро, соня, — прошептал он.

Я улыбнулась, обнимая его за шею и притягивая к себе.

— За что мне такой сервис?

Марк не ответил шуткой на шутку. Его лицо вдруг стало очень серьезным, а взгляд — глубоким и сосредоточенным. Он смотрел на меня так, словно пытался запомнить каждую черточку моего лица.

— Я всё исправлю, Ариша, — произнес он тихим, почти звенящим голосом. — Я вытащу нас из этого колеса. Обещаю тебе. Я найду способ.

Если бы я знала, где именно он собирался искать этот способ, я бы вцепилась в него и никогда не отпускала. Но я лишь сонно улыбнулась и поцеловала его в плечо, уверенная, что он говорит о новом резюме или курсах повышения квалификации.

Точка невозврата была пройдена в конце ноября.

Погода стояла мерзкая. С неба сыпалась колючая ледяная крошка вперемишку с дождем, превращая город в грязное, скользкое месиво. Я стояла у плиты, помешивая макароны на ужин, и с тревогой поглядывала на настенные часы. Марк задерживался уже на два часа, а его телефон был "вне зоны действия сети".

В прихожей наконец-то щелкнул замок. Я бросила лопатку и выбежала в коридор.

Марк стоял на пороге. Он был абсолютно мокрым. Вода стекала с его кожаной куртки, темные волосы прилипли к лицу, ботинки оставляли на линолеуме грязные лужи. Но он не дрожал от холода. Наоборот. От него словно исходил жар.

Он стянул мокрую куртку и бросил ее прямо на пол, чего никогда раньше не делал. Я шагнула к нему, открыв рот, чтобы спросить, почему он не вызвал такси, но слова застряли в горле.

Его глаза. Они горели. Зрачки были расширены так сильно, что радужки почти не было видно — две черные, пульсирующие дыры, отражающие тусклый свет лампочки в коридоре. На его губах блуждала безумная, пугающе-широкая улыбка.

— Марк? Что случилось? Тебя ограбили? Ты пил? — я подскочила к нему, касаясь его ледяных щек.

Он мягко, но настойчиво убрал мои руки и расстегнул внутренний карман толстовки. Оттуда, бережно завернутый в два слоя целлофанового пакета, чтобы не намочить под дождем, он достал предмет.

Это была книга. Точнее, старый, истрепанный фолиант в переплете из плотного, потертого картона, обтянутого чем-то напоминающим грубую кожу. На обложке не было ни названия, ни имени автора. Только следы времени и грязи.

Марк с благоговением размотал пакет. Страницы книги были желтыми, хрупкими, густо исписанными от руки убористым почерком. То тут, то там виднелись странные чертежи: спирали, накладывающиеся друг на друга многоугольники и символы, от которых у меня почему-то мгновенно заныли виски.

— Что это? — я нервно усмехнулась, отступая на шаг. — Ты ограбил антикварную лавку? Марк, ты пугаешь меня.

Он бросил пакет на тумбочку, шагнул ко мне и перехватил мои ладони. Его руки были невероятно горячими, почти обжигающими. Он дышал тяжело, с придыханием, слова срывались с его губ, как торопливое заклинание.

— Ариша, послушай меня. Послушай внимательно, — его голос вибрировал от переполняющей его энергии. — Все эти собеседования, начальники, деньги — это иллюзия. Наш мир — это просто матрица для бедных. Искусственный загон, в котором нас заставляют бегать по кругу. Но я нашел.

Он потряс книгой в воздухе.

— Я нашел чит-код. Случайно, в старой букинистической лавке на окраине. Эту книгу даже не собирались продавать, хозяин держал ее в коробке на выброс. Это дневник одного человека... практика. Он понял, как устроена изнанка нашего мира.

Я попыталась вырвать свои руки, мне стало по-настоящему страшно.

— Марк, прекрати. Какая изнанка? Ты замерз, у тебя бред. Пойдем, я налью тебе горячего чая...

— Нет! — он сжал мои пальцы крепче, заглядывая мне прямо в зрачки. В его взгляде больше не было того спокойного, рассудительного парня, за которого я выходила замуж. Там поселился фанатик. — Я знаю, как переписать нашу реальность прямо оттуда. С той стороны. Я смогу отделять сознание от тела. Я смогу выходить за пределы этой клетки, видеть вероятности и притягивать их к нам! Мы больше никогда ни в чем не будем нуждаться, Ариша! Я дам тебе всё!

Он замолчал, тяжело дыша, ожидая моей реакции.

А я стояла, не в силах произнести ни звука. Потому что в ту самую секунду, когда он произнес эти слова, по нашей теплой, наглухо закрытой на зиму кухне пронесся порыв ледяного, могильного ветра.

Он ударил меня по ногам, заставив кожу покрыться крупными мурашками. В воздухе отчетливо запахло озоном — как перед сильной грозой. Пламя конфорки на плите, где варились макароны, резко дрогнуло, вытянулось в тонкую синюю нить и погасло.

Я вздрогнула и посмотрела на Марка. Он этого сквозняка даже не заметил. Он стоял передо мной, прижимая к груди проклятую книгу, и улыбался так, словно только что подарил мне весь мир.

Но я чувствовала: вместе с этой книгой в наш дом вошло нечто иное. То, что стояло сейчас у меня за спиной и внимательно слушало каждое наше слово.

Глава 6

Рассвет заполз в нашу спальню бледным, болезненным пятном, едва пробиваясь сквозь плотные зимние тучи. Я открыла глаза и тут же почувствовала, как по плечам скользнул неприятный холодок. Правая половина кровати была пуста. Простыня на месте Марка оказалась абсолютно остывшей, словно он не ложился вовсе.

Я натянула одеяло повыше, пытаюсь убедить себя, что вчерашний могильный ветер на кухне — это просто изношенные резиновые уплотнители на наших старых пластиковых окнах. Резкий перепад температур, ноябрьская слякоть, помноженная на усталость и мои собственные расшалившиеся нервы. Рационализация всегда была моим спасательным кругом.

Спустив босые ноги на пол, я поежилась и пошла на кухню.

Марк сидел за столом. На нем была та же толстовка, в которой он вчера вернулся под проливным дождем. Она успела высохнуть прямо на нем, покрывшись жесткими складками. Пространство перед ним, обычно занятое сахарницей и салфетницей, теперь было полностью завалено бумагами. Та самая безымянная книга лежала в центре, раскрытая где-то на середине, а вокруг нее веером рассыпались листы формата А4, исписанные его торопливым, рваным почерком.

Рядом стояла кружка с кофе. Я видела по темной, бензиновой пленке на поверхности напитка, что он остыл много часов назад.

— Марк? — тихо позвала я, останавливаясь в дверном проеме.

Он не шелохнулся. Его указательный палец медленно, словно в трансе, скользил по пожелтевшей странице фолианта, отслеживая витиеватые чертежи.

Я подошла ближе и мягко опустила ладонь ему на плечо. Марк вздрогнул всем телом, будто я ударила его током. Он резко поднял голову. В первое мгновение его взгляд прошел сквозь меня — пустой, расфокусированный, чужой. Ему потребовалось несколько долгих, мучительных секунд, чтобы вынырнуть из той глубины, куда погрузило его чтение, и узнать собственную жену.

— Ариша? — он моргнул, потирая покрасневшие от бессонницы глаза. — Ты уже проснулась? Который час?

— Восьмой, — я убрала руку с его плеча, почувствовав необъяснимую неловкость. — Ты вообще ложился?

Он посмотрел на стопку бумаг, потом на окно, за которым кружила мелкая снежная крошка, и как-то странно, снисходительно улыбнулся.

— Время — это очень условная концепция, малыш. Когда ты понимаешь, как работают шестеренки, тебе больше не нужно спать по графику.

Тогда я списала эти слова на переутомление. Я заварила свежий чай, сделала ему бутерброды и ушла на работу, свято веря, что к вечеру он отоспится, и всё вернется на круги своя.

Но ничего не вернулось.

Декабрь обрушился на город жестокими снегопадами, а на нашу квартиру — медленной, неотвратимой деградацией. Наш уютный, крошечный мирок начал трансформироваться вслед за мужем. Сначала исчезли журналы и художественные книги — их место на полках заняли распечатки с теневых эзотерических форумов, труды Монро, Кастанеды и какие-то сомнительные самиздатовские брошюры о выходах из физического тела.

Марк окончательно забросил поиски работы. Когда я возвращалась вечерами из офиса, промерзшая на остановках, с тяжелыми пакетами продуктов, я находила его в одной и той же позе — скрестив ноги на полу гостиной, с закрытыми глазами или уткнувшимся в свою проклятую книгу.

Я отчаянно пыталась сохранить иллюзию нормальности. Я варила борщи, гладила ему рубашки, которые он перестал носить, вслух зачитывала смешные новости из интернета, пытаясь вытянуть его на разговор. Я прятала свой страх за ширмой легкой иронии.

— Марк, у нас завтра крайний срок оплаты за электричество, — сказала я однажды вечером, раскладывая на подоконнике квитанции. — Моей зарплаты в этом месяце впритык. Тебе звонили из того архитектурного бюро?

Он медленно открыл глаза. В них больше не было того застенчивого, виноватого парня, который когда-то разрывал салфетку от отчаяния из-за отказов на собеседованиях. На меня смотрел человек, познавший некую абсолютную, недоступную мне истину.

— Это всё мышинная возня, Ариша, — произнес он ровным, почти убаюкивающим тоном. — Низкие вибрации. Ты слишком привязана к материи. Зачем переживать о куске бумаги с цифрами, если вся эта реальность пластична? Я уже почти нащупал точку сборки. Дай мне еще немного времени, и нам больше никогда не понадобятся эти квитанции.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки так сильно, что почувствовала вкус крови.

— Хорошо, господин мой личный шаман, — процедила я, выдавливая подобие улыбки. — Только свет нам могут отрезать уже в этой пластичной реальности.

Он лишь покачал головой, снисходительно прощая мне мою «ограниченность», и снова погрузился в свои записи.

Его высокомерие ранило, но настоящая боль пришла позже, когда холод начал захватывать не только наше жилище, но и нашу постель.

Женщины могут простить безденежье. Могут вытерпеть бытовую неустроенность и странные хобби. Но когда рушится эмоциональная связь — это становится началом конца. Я чувствовала, как Марк утекает сквозь мои пальцы.

За неделю до Нового года я решила, что пора пробивать эту стену. Я дождалась вечера, выключила верхний свет, оставив лишь мягкое свечение торшера. Я надела его любимую домашнюю майку, в которой он всегда находил меня сексуальной, и подошла к нему. Он сидел на диване, изучая какой-то сложный геометрический паттерн на листе бумаги.

Я опустилась рядом, обняла его за шею, прижимаясь грудью к его спине. Я поцеловала его в колючую щеку, затем в линию челюсти, скользнув ладонями под его толстовку. Под моими пальцами билось его сердце — живое, горячее, родное. Я так скучала по нему. По запаху его кожи, по тяжести его тела, по тому, как он зарывался лицом в мои волосы.

Но Марк не ответил на ласку.

Его мышцы напряглись. Он мягко, но абсолютно непреклонно перехватил мои запястья и опустил их вниз, высвобождаясь из объятий.

— Не сейчас, Ариша, — сказал он, даже не повернув головы.

— Марк... — мой голос дрогнул, выдавая всю ту горечь, что скопилась внутри за этот месяц. — Мы не были вместе почти четыре недели. Ты здесь, но тебя словно нет. Я хочу своего мужа.

Он развернулся ко мне. В его глазах не было ни раздражения, ни извинения. Только холодная, аналитическая отстраненность.

— Ты не понимаешь. Я нахожусь на критическом этапе, — он произнес это так буднично, словно объяснял школьнице решение задачи по физике. — Любой физический всплеск, любая потеря семени — это колоссальный сброс энергии. Меня выкидывает на нижние уровни астрала. Мне нужно аккумулировать фокус для перехода. Физиология сейчас просто заземлит меня, перечеркнув недели подготовки.

Я смотрела на его губы, произносящие этот чудовищный бред, и чувствовала, как внутри меня что-то с тихим хрустом ломается. Меня отвергли не ради другой женщины. Меня отвергли ради пустоты. Я стала для него якорем, от которого он спешил отрезать канат, чтобы взлететь.

Я молча встала, ушла в ванную, включила воду и долго, беззвучно плакала, сидя на краю чугунной ванны. Именно тогда я впервые подумала, что схожу с ума вместе с ним.

А спустя несколько дней квартира перестала быть безопасным местом.

Это случилось в одну из глухих, черных зимних ночей, когда город за окном вымирает, укрытый снежным саваном. Я проснулась от того, что у меня зуб на зуб не попадал. Морозило так, словно я лежала на голой земле в февральском лесу.

Я инстинктивно протянула руку вправо, ища тепло Марка, но ладонь скользнула по холодной, скомканной простыне. Его не было в постели.

Я села, кутаясь в одеяло. Батарея под окном шипела от циркулирующего в ней кипятка — я чувствовала жар, исходящий от чугуна, на расстоянии полуметра. Но воздух в спальне был настолько ледяным, что мое дыхание вырывалось изо рта белесыми облачками пара.

И тут я услышала звук.

Это не было завыванием метели или шумом лифта в подъезде. Это был низкий, ритмичный, давящий гул. Он рождался не снаружи, а словно бы вибрировал в самом воздухе. Этот звук не просто давил на барабанные перепонки — он отзывался болью в корнях зубов, заставляя челюсть мелко дрожать. Тот самый гул, который спустя годы будет преследовать меня в стенах клиники.

Скинув одеяло, я ступила босыми ногами на паркет. Пол был обжигающе ледяным. Сердце колотилось где-то в горле, гоняя по венам густой, липкий адреналин.

Я вышла в коридор. Звук становился громче, плотнее, он заполнял собой всё пространство квартиры, вытесняя кислород. Дверь в гостиную была приоткрыта. Оттуда лился бледный, мертвенный свет уличного фонаря.

Сделав глубокий вдох, я шагнула за порог.

Марк был там. Он находился в самом центре комнаты, но его поза заставила меня оцепенеть от первобытного, животного ужаса, который стирает всю логику и оставляет лишь инстинкт самосохранения.

Он не сидел над своими книгами. Он не медитировал в позе лотоса.

Марк стоял вплотную к глухой стене. Его лицо находилось в паре сантиметров от обоев. Руки были вытянуты по швам, плечи неестественно расправлены, а спина прямая, как натянутая струна. Он стоял абсолютно неподвижно, не совершая даже тех микродвижений, которые свойственны любому живому человеку при дыхании. Он казался манекеном, восковой фигурой, которую кто-то ради злой шутки поставил лицом к бетону.

— Марк? — шепотом позвала я. Звук моего голоса потонул в непрекращающемся низком гуле.

Он не шелохнулся.

Преодолевая дикое желание развернуться и выбежать из квартиры в чем мать родила, я заставила себя сделать несколько шагов вперед. Воздух вокруг него был таким плотным и холодным, что мне казалось, будто я иду сквозь ледяную воду.

— Марк, пожалуйста, ты пугаешь меня, — я протянула дрожащую руку и осторожно коснулась его спины между лопаток.

Его мышцы под тканью футболки были твердыми, как камень. Ни единой реакции на мое прикосновение.

А затем он заговорил.

Он не повернул головы. Его спина осталась такой же неподвижной, но слова отчетливо прорезали гудящую тишину комнаты. И этот голос не принадлежал моему мужу. Он был плоским, лишенным человеческих интонаций, двоящимся, словно одновременно звучали два металлических эха, накладывающихся друг на друга.

— Граница истончается, — произнесли его губы чужим голосом. — Они меня видят.

Я отдернула руку, как от раскаленной плиты, и с ужасом попятилась назад, пока не ударились спиной о дверной косяк. Гул в комнате резко оборвался. Я смотрела на неподвижную фигуру Марка, с ледящей душу ясностью осознавая одну страшную вещь: в эту секунду, в нашей запертой изнутри квартире, мы находились не одни.

Глава 7(Марк)

(от лица Марка)

Гравитация — это не физический закон. Это тюрьма.

Я чувствовал эту тяжесть каждый божий день, просыпаясь в нашей съемной квартире. Она давила на плечи свинцовым грузом, когда я надевал дешевую рубашку, собираясь на очередное унижительное собеседование. Она пригибала к земле, когда я смотрел в глаза кадровикам, оценивающим меня, как кусок мяса на рынке. Но тяжелее всего гравитация ощущалась по вечерам, когда я возвращался домой и видел Аришу.

Мою девочку. Мою светлую, смелую Аришу, которая отчаянно делала вид, что всё в порядке. Она варила макароны, штопала наши иллюзии своими теплыми улыбками и думала, что я ничего не замечаю. Но я видел, как она тайком пересчитывает мелочь в кошельке. Видел, как она замирает у витрин с красивой одеждой и тут же отводит взгляд.

Я обещал подарить ей мир, а вместо этого запер ее в бетонной коробке с протекающим краном.

Для мужчины нет ничего страшнее осознания собственной беспомощности. Это кислота, которая разъедает тебя изнутри. Я пытался играть по их правилам, честно пытался. Но система была выстроена так, чтобы мы всю жизнь крутили колесо, оставаясь на месте. И тогда я понял, что нужно ломать не себя. Нужно ломать саму систему.

Ответом стала та книга. Я нашел ее в полуподвальной букинистической лавке, куда забрел, прячась от ледяного ноябрьского дождя. Старик-продавец не хотел ее отдавать, бормоча что-то о «дневниках сумасшедшего практика». Но я перехватил его взгляд — в нем был первобытный страх. А там, где есть страх, скрыта настоящая сила. Я отдал за эту потрепанную тетрадь в кожаном переплете последние деньги. И ни разу не пожалел.

Она не была сборником шизофренического бреда. Это был чистый, математически выверенный алгоритм. Инструкция по выходу из матрицы. Автор дневника называл наш физический мир «отстойником частот». Он подробно, с пугающей точностью описывал, как отделить сознание от мясной оболочки, как выйти за пределы трехмерного пространства и получить доступ к «нитям вероятностей». Там, на изнанке, можно было менять реальность. Притягивать нужные события, деньги, удачу. Нужно было лишь научиться выходить.

Я погрузился в эту практику с головой. Это требовало колоссальной концентрации. Я перестал спать, потому что во сне сознание бесконтрольно, а мне нужна была абсолютная ясность. Я начал слышать вибрации.

Сначала это было похоже на звон в ушах, но потом я понял, что слышу частоту окружающих предметов. Холодильник, обои, бетонные стены — всё имело свой звук. В ту ночь, когда Ариша нашла меня в гостиной, я не просто стоял у стены. Я нащупал стык. Плотность бетона на атомарном уровне начала таять, и я услышал их. Сущностей по ту сторону. Они копошились там, за тонкой пленкой нашей реальности, как слепые рыбы в темной воде. Мои голосовые связки сработали сами по себе, ретранслируя то, что я понял: граница истончается.

Ариша тогда так испугалась. Ее теплое, дрожащее прикосновение к моей спине едва не выбило меня из транса. Мне хотелось развернуться, сгрести ее в охапку, зарыться лицом в ее волосы и сказать, что всё это ради нее. Но я не мог.

Энергия, необходимая для разрыва связи между душой и телом, копилась неделями. Именно поэтому я отталкивал ее по вечерам. Каждое физическое проявление любви, каждый оргазм, даже банальное возбуждение — это заземление. Это якорь, который намертво привязывал меня к физическому телу, сводя на нет все мои тренировки. Видеть обиду в ее глазах было физически больно, но я твердил себе: потерпи, малыш, еще немного. Скоро я принесу тебе весь этот мир на блюдечке.

Мой первый настоящий прорыв случился в конце декабря.

Была глубокая ночь. Ариша мирно спала рядом, свернувшись калачиком и натянув одеяло до самого подбородка. Я лежал на спине, вытянув руки вдоль туловища. Комната тонула в вязкой, зимней темноте.

Я начал дышать по квадрату, замедляя сердечный ритм. Пятьдесят ударов в минуту. Сорок пять. Сорок. Мое тело стало тяжелым, словно его залили свинцом. Я перестал чувствовать матрас под собой. А затем начались вибрации.

Сначала они зародились где-то в солнечном сплетении — мелкая, зудящая дрожь, которая стремительно расходилась по венам. Спустя минуту меня затрясло так, словно через спинной мозг пропустили разряд тока. В черепе нарастал гул. Он был похож на рев турбин реактивного самолета, набирающего высоту. Звук становился невыносимым, он давил на барабанные перепонки изнутри.

Тело свело жесточайшей судорогой. Сонный паралич. Мозг проснулся, а мышечный каркас был отключен. Инстинкты кричали: «Двигайся, или умрешь!», но я знал из книги, что это лишь защитный механизм мясной оболочки. Я мысленно приказал себе расслабиться и сделал то, что автор дневника называл «выкатыванием».

Я представил, как моя рука — не физическая, а та, другая — поднимается вверх.

Раздался звук, похожий на влажный хруст отрываемого пластыря. И вдруг рев в голове мгновенно стих. Ему на смену пришла звенящая, абсолютная легкость.

Я открыл глаза.

Сначала я не понял, что произошло. Я по-прежнему находился в нашей спальне. Но всё было другим. Цвета стали ярче, насыщеннее, пространство утратило привычную геометрию, став бесконечно глубоким. Я поднял руки и посмотрел на свои ладони. Они светились мягким, пульсирующим серебристо-голубым светом. Они были полупрозрачными.

Я опустил взгляд вниз.

На кровати лежало мое тело. Бледное, неподвижное, с чуть приоткрытым ртом. Грудная клетка едва заметно вздымалась — один вдох в несколько минут. От моего светящегося живота к телу тянулась тонкая, вибрирующая струна — серебряная нить, о которой писали мистики. Она пульсировала, перекачивая жизненную энергию.

Получилось. Господи, у меня получилось!

Эйфория захлестнула меня с такой силой, что я оторвался от пола и плавно поплыл к потолку. Я не чувствовал веса. Не чувствовал боли в спине, не чувствовал усталости. Это была абсолютная, пьянящая свобода. Я был богом в пределах этой комнаты.

Я посмотрел на Аришу.

В физическом мире она была просто спящей девушкой. Но здесь, на изнанке, ее душа выглядела как ослепительно прекрасный, теплый сгусток золотистого света. От нее исходили волны такого чистого, безусловного покоя, что мне захотелось просто зависнуть рядом и купаться в этом сиянии вечность. Вокруг ее свечения я увидел тонкие, едва заметные нити — те самые векторы вероятностей. Линии ее будущей судьбы. Я протянул руку, собираясь коснуться одной из них, чтобы вплести в нее золотую жилу удачи и богатства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.